

Академия наук Абхазии
Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа

ДИАЛОГ ВРЕМЕН

История. Традиции. Культура

АЛЬМАНАХ
№ 2

АБИГИ
Сухум, 2018



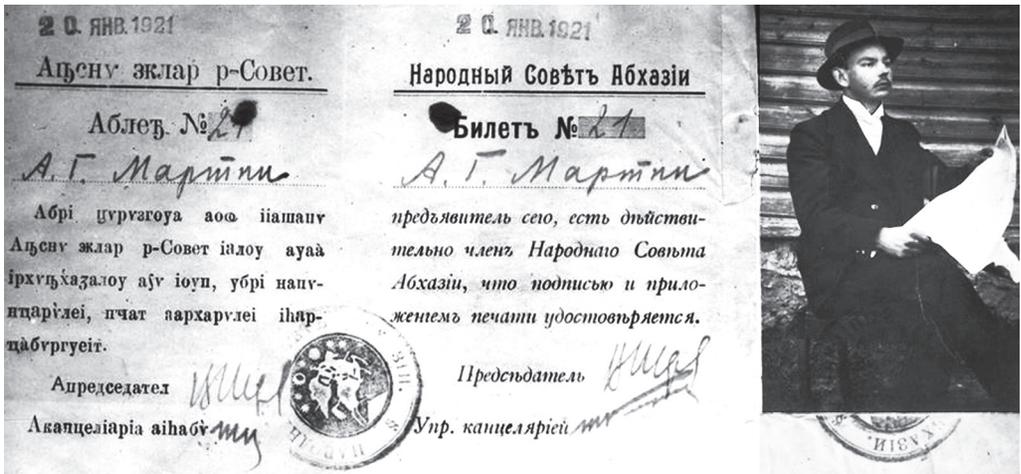
СТАНИСЛАВ ЛАКОБА

**АВГУСТ МАРТИН И ЭСТОНСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
О СОБЫТИЯХ В АБХАЗИИ (1917–1921 гг.)¹**

Кто такой Август Мартин?

В 1915 г. он перебрался из Эстонии в Абхазию, где работал учителем в эстонском селе Верхняя Линда, близ Сухума. Здесь застала его революция и бурные политические события, участником которых он был. Об этом свидетельствует рукопись А. Мартина «Из моих воспоминаний об Абхазии» (1969), хранящаяся в Абхазском государственном музее² и архиве Эстонии (г. Тарту).

Интересно, что Август Мартин (1893–1982) в 26 лет был избран от эстонского населения депутатом третьего Абхазского Народного Совета (АНС), который просуществовал с марта 1919 г. по март 1921 г.



Депутатское удостоверение А. Мартина

Как известно, 10 октября 1918 г. грузинскими властями был окончательно разогнан неугодный второй Абхазский Народный Совет, многие депутаты аре-

¹ Все эти материалы любезно предоставила известный эстонский этнолог Марика Миккор, которая неоднократно проводила исследования среди эстонцев Абхазии и издала ряд интересных работ и фотоальбом. Большую помощь и поддержку автору оказали Д. Барганджия, Т. Серегин, А. Дбар, за что приношу им свою благодарность.

² АГМ, фонд 3, опись 1, д. 89.

стованы и заключены в Тифлисе в Метехский замок. С этого момента наступил период неприкрытой оккупации Абхазии Грузией.

Для утверждения в крае «твердой власти» правительство Грузинской республики назначило чрезвычайным комиссаром Абхазии В. Чхиквишвили, а «политическим представителем» правительства Грузии был прислан Исидор Рамишвили. С октября 1918 г. по март 1919 г. все гражданское управление Абхазией осуществлялось прямым вмешательством Грузинской республики. В условиях оккупации грузинское правительство приступило к выборам третьего АНС. В результате февральских 1919 г. выборов в новом АНС оказались 40 депутатов, из которых 27 открыто выражали интересы правительства Грузии.

С какой целью Тифлис организовал эти выборы? Дело в том, что в начале 1919 г. генерал А.И. Деникин начал наступление в районе Гагры, а в феврале 1919 г. он и английское командование намеревались объявить Абхазию (Сухумский округ) «нейтральной территорией».

Здесь интересно заметить, что во время волнений в Абхазии 1918 г., бывший глава правительства и министр иностранных дел СССР В.М. Молотов обронил фразу, которая кажется абсурдной лишь на первый взгляд, но, по всей видимости, имела прямое отношение к событиям 1919 года, когда Англия ставила вопрос о нейтральной Абхазии. 16 июля 1918 г. Молотов сказал: «После революции [1917 г.] у определенной части населения там [в Абхазии] было мнение избрать государственным языком английский»¹.

Именно требование «нейтрального статуса» подвигло Ноя Жордания и его правительство организовать новые выборы в третий АНС и предоставить Абхазии бутафорский статус «автономии», чтобы окончательно не потерять захваченную страну². Британское командование потребовало от грузинского правительства изменить свою политику в отношении Абхазии, а 23 февраля 1919 г. в беседе с английским генералом Уоккером Н. Жордания обещал предоставить Абхазии широкую автономию.

Таким образом, спешно были проведены выборы в третий АНС, который открылся 18 марта 1919 г. (в мае 1919 г. переименован в Народный Совет Абхазии).

Первоначально в новом совете, возглавляемом доктором Варламом Шервашидзе, всем заправляли грузинские меньшевики и сторонники центральной власти. Из 40 депутатов, по словам А. Мартина, «группу оппозиции составляли независимцы С. Чанба, М. Цагурия, Д. Алания и И. Маргания, экономическая группа – Какуба и Демьянов, да представитель эстонцев – Мартин, всего 7 депутатов».

Здесь следует отметить, что Мартин был на стороне «независимцев» (С. Чанба, М. Цагурия и др.), в то время, как многие гудаутские депутаты (М. Тарнава, Д. Дзкуя, Базба, А. Чукбар, К. Барциц) были на стороне грузинских социал-демократов (меньшевиков), – и только осенью 1919 г. вышли из их фракции и поддержали «независимцев».

На одном из первых заседаний АНС 18–20 марта 1919 г. депутат от эстонского населения Абхазии прямо и откровенно разъяснил свою позицию по вопросу Абхазии. Август Мартин вспоминал: «Я коротко изложил точку зрения эстонского народа, как на родине, так и здесь, на самоопределение народов бывшей цар-

¹ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М. 1991.

² История Абхазии. Гудаута. 1993. С. 306–314.

ской России, приветствовал самостоятельность Грузии, но сказал, что такое же право на самоопределение, какое имеет грузинский народ, мы, эстонцы, признаем и за абхазцами, коренными обитателями этой прекрасной страны, тем более, что предыдущий абхазский народный совет декларировал о намерении свято чтить и права других народностей тут живущих»¹.

Вообще депутат Август Мартин принципиально отстаивал свою позицию относительно того, что абхазы сами должны решать свою судьбу. Как представитель небольшого эстонского народа, он хорошо понимал чаяния местного коренного населения, знал его историю, особенности и традиции. Власти в Тифлисе были раздражены его проабхазскими взглядами и поведением, кото-



А. Мартин с родными

рые были продиктованы чувством справедливости. Так, в феврале 1920 г., будучи в Абхазии, министр ВД Грузии Ной Рамишвили решил повлиять на позицию строптивного эстонца. Рассуждая на тему самоопределения в рамках автономии грузинский министр заявил, что абхазы смотрят на Север, имея в виду деникинскую Россию. На что А. Мартин ответил: «И это входит в понятие самоопределения, смотреть каждому туда, куда хочется, куда смотреть выгоднее, а не туда, куда приказывают другие, кому это выгодно. Разве это последнее было бы самоопределение, была бы автономия?»²

Вообще с самого начала работы третьего АНС грузинские власти пытались повлиять на А. Мартина и сделать его своим сторонником. В день открытия третьего АНС В. Чхиквишвили пригласил эстонского депутата на собрание социал-демократической партии. «Когда я вошел, – пишет А. Мартин, – собрание уже шло.

Чхиквишвили, который руководил собранием, обратился со следующими словами: «Я пригласил на наше собрание представителя эстонцев в надежде, что ему между нами понравится, и он примкнет к нашей фракции, как уже примкнули представители от гудаутских абхазцев (в первом ряду сидели со счастливыми лицами молодые Тарнава и Базба). Я видел их впервые»³.

Далее он сообщает: но мне «не понравилось на этом собрании, не понравился дух агрессивности в стране, которой на словах давалась автономия, но на деле

¹ АГМ, ф. 3, оп. 1, д. 89; Мартин А. Из моих воспоминаний... С. 45.

² Там же. С. 58–59.

³ Там же. С. 43.

этой автономии не давалось, не понравился дух вражды к тем местным группам, которые готовы были бороться за свои права на самоопределение. Когда я после этого собрания прошелся по улицам, я совершенно случайно встретил Михаила Цагурия, которого как учителя встречал и раньше. Я рассказал ему о собрании меньшевиков и что там говорилось, сказал, также, что эстонцы в Абхазии в борьбе за широкую автономию пойдут вместе с абхазцами. Он познакомил меня с воззрениями своей фракции, группы Чанба. Они вполне совпадали с моими. Цагурия дал мне адрес у бульвара, где утром, до собрания в театра Алоизи, соберется их группа. Когда я утром пришел в указанную мне квартиру у бульвара, там уже были все четверо. Чанба я знал как заведующего Адзюбжинской школы, Алания видывал в казначействе... Ивана Маргания видел впервые... Наши взгляды на линию поведения в Совете сходились во всех пунктах. Тут я мог придти к заключению, что мой путь в Народном Совете Абхазии решен. Мне, как и группе, вполне было приемлемо, что я в Совете буду иметь свою фракцию... Это соглашение и осталось в силе в течение тех двух лет, что просуществовал Совет. Ни группе Чанба по отношению ко мне, ни мне по отношению к этой группе, не пришлось разочаровываться. Сложились дружеские, товарищеские отношения и взаимное уважение, в особенности у меня к этой группе... Именно их, вышедших из народа, я считал верными, истинными представителями абхазского народа, кем они на деле и были»¹.

Депутат А. Мартин вошел во фракцию «независимцев», т.к. «широкую автономию» понимал не буквально, а как самоопределение народа и его независимое существование. На практике же автономия существовала только на словах. Взгляды депутата от эстонского населения Абхазии, который, казалось, будет занимать нейтральную позицию, – были неприемлемы для центральной власти в Тифлисе. Такой подход становился опасным и неудобным, тем более, что это было мнение не абхазского народа, а депутата-эстонца, позиция которого отличалась объективностью. О значимости его взглядов говорит и сам факт специальной встречи с ним министра ВД Грузии Н. Рамишвили, которая состоялась в Сухуме 6 февраля 1920 года. В небольшом очерке «Моя беседа с Ноем Рамишвили» депутат Мартин вспоминал:

«Казалось бы, что один голос в Народном Совете Абхазии от эстонцев в пользу оппозиции не мог иметь особого значения. Однако грузинские меньшевики думали иначе. Когда я пришел на собрание Совета, мне сказал секретарь Совета Королев, что министр Рамишвили желает со мной говорить. Разговор происходил там же за секретарским столиком, в углу зала. Ной Рамишвили был грузинский аристократ, не то, что наш Исидор Иванович [Рамишвили]. Высокого роста, красив. Разговор наш был ласков, дружеский.

Министр сказал: "Я учился в Тартусском университете, полюбил Эстонию, считаю ее своей второй родиной. А тут мне говорят, что представитель эстонцев в Народном Совете Абхазии идет против Грузии, как это так может быть?". Я ответил, что познакомился с Грузией еще юношей, туристом почти всю ее прошел, полюбил ее и ее народ. Грузинского языка не знаю, но в переводе читал ее литературу. Никогда я не действовал против Грузии и никогда не думаю это

¹ Там же. С. 43–44.

делать. Но тут надо стать на принципиальную точку зрения. Самоопределение достигнуто многими народами царской России, в том числе Грузией и Эстонией. Будучи принципиальными, мы должны поддержать стремление и абхазского народа к такой автономии, которая ему приемлема, ставит его и др. народности, живущие в Абхазии, хозяином своих земель и природных богатств, дает им самим развивать школы, народное образование и свою культуру. "Но разве вы не замечаете, что они смотрят на Север", – спросил меня министр. "И это, ответил я, входит в понятие самоопределение..." Далее я передал свое беспристрастное личное мнение, «что считаю тактику Грузии по отношению к Абхазии неразумной, вредной для Грузии самой. По моему убеждению абхазцы – народ развитый, свободолюбивый, храбрый, бескорыстная дружба с ними для Грузии необходима, вражда же может кончиться плачевно. Грубой силой абхаза не покорить, Грузии надо заслужить любовь и доверие абхазцев, может быть тогда они будут смотреть на Юг. Этим и кончилась наша беседа... Началось собрание Совета, где у Рамишвили был доклад о работе правительства Грузии»¹.

Как можно расценить эту встречу депутата парламента с главным полицейским Грузии? Ведь еще совсем недавно около двадцати депутатов АНС были арестованы и заключены в Метехский замок из-за того, что они смотрели не в ту сторону, куда хотели в Тифлисе. Ясно, что это был откровенный политический нажим, грозное предупреждение Августу Мартину со стороны министра ВД Ноя Рамишвили.

Нужно сказать, что заседания Совета порой проходили очень бурно. Август Мартин описывает эпизод, связанный с инженером Р. Какуба, который был старше других депутатов и к «молодым депутатам из оппозиции относился по-отечески, давал советы, был верным оппозиции, всегда голосовал с нами, был славным сыном абхазского народа, смелым и мужественным». Вот что произошло на одном из первых заседаний АНС. «Какуба, – пишет депутат Мартин, – выступая с кафедры и остро критикуя действия грузинского правительства в Абхазии назвал чрезвычайного комиссара грузинского правительства в Абхазии Чхиквишвили экспроприатором. Чхиквишвили, который сидел в первом ряду прямо под кафедрой, выхватил револьвер; револьвер вынул и Какуба, но выстрелить не могли, ибо вокруг все вскочили и успокоили разгорячившихся противников»². Вскоре после этого инцидента Чхиквишвили уехал из Абхазии в Грузию.

Мартин особо отмечает своего соратника, депутата от оппозиции, известного юриста, Александра Алексеевича Демьянова, который принял самое деятельное участие в разработке конституции Абхазии. В процессе этой работы стало ясно, что он является «самым видным государственным мужем в Народном Совете Абхазии». Были представлены два проекта конституции, один – грузинских меньшевиков, другой – группы Чанба за авторством Демьянова. В грузинском проекте никаких автономных прав вообще не было. А.А. Демьянов – бывший член Государственной Думы, во Временном правительстве был товарищем министра юстиции (зам. П.Н. Переверзева). Как «превосходный юрист», он сразу заслонил, оставил в тени меньшевистских юристов. Проект конституции, представленный оппозицией, как и сам Демьянов, не устраивали грузинские власти

¹ Там же. С. 58–59.

² Там же. С. 56–57.

и они, по словам Мартина, «как оккупанты в Абхазии»¹, решили избавиться от этой сильной личности. По свидетельству Е.Б. Рафальской, дочери сухумского адвоката Б.Н. Захарова (племянник Германа Лопатина) известно, что в этот период в Абхазии находились многие известные деятели Временного правительства. К Демьянову, например, приехал бывший министр юстиции России П.Н. Переверзев, который как адвокат принимал участие в 1918–1919 гг. в громком сухумском судебном процессе в связи с загадочной смертью в августе 1918 г. купца 2-й гильдии Г.Ф. Зографопуло². Здесь же, в Сухуме, жили какое-то время видный деятель Временного правительства, отказавшийся от должности морского министра Н.В. Савич и бывший товарищ министра юстиции России Г.Д. Эристов (он же Сидамон-Эристов, председатель Сухумского окружного суда в 1919 г., в дальнейшем посол Грузии в Польше...). Все они потом оказались в эмиграции, в европейских странах. Объединяло их еще одно немаловажное обстоятельство – почти все они были адвокатами и вместе с их коллегой А.Ф. Керенским с 1906–1907 гг. состояли в С.-Петербурге в одной масонской ложе. Каким же образом Демьянова занесло в Абхазию? Сейчас выясняется, что в Сухуме давно жил и практиковал врач Николай Григорьевич Рукин, а его дочь Вера Николаевна была замужем за братом знаменитого эсера Бориса Савинкова – Виктором. Еще до Первой мировой войны она с ним разошлась и с ней остался сын Коля. Скоро Вера Николаевна, красавица и юрист по образованию, снова вышла замуж – за А.А. Демьянова. Он был крупным адвокатом, председателем коллегии адвокатов Петрограда. После октябрьской революции 1917 г. и ликвидации Временного правительства Демьяновы приехали в Сухум к отцу Веры Николаевны. «Когда мы встречались за чайным столом у Демьяновых, – пишет Е. Рафальская, – разговор, естественно, шел о событиях в стране. Лейтмотив: мы не бежали, мы просто сошли со сцены, т.к. таков поворот истории. Всякое сопротивление бесполезно и бессмысленно – народ не за нас»³.

Осенью 1919 г. грузинские власти расправились с негодным Демьяновым, а 18 ноября он был исключен из состава Совета⁴, арестован, а затем выслан. По этому поводу Мартин пишет: «Депутата с его неприкосновенностью личности могли арестовать и выслать только попирая закон. Сам Демьянов до своего ареста говорил, что его называют деникинцем, кем он никогда не был. Он будто где-то сказал, что он лично знает Деникина и считает его честным человеком»⁵.

В ноябре-декабре 1920 г. он перебрался из Баку в Батум, откуда обратился в Берлин к известному издателю «Архива Русской революции» И.В. Гессену с просьбой об издании его записок «Моя служба при Временном правительстве»⁶.

В своих воспоминаниях Демьянов рассказывает, что в 1917 году в Петрограде его посетил А.И. Чхенкели, который предложил ему стать представителем Временного правительства на Кавказе. Но все договоренности о работе в Тифлисе рухнули с приходом большевиков. Теперь путь лежал в Сухум. «История эта

¹ Там же. С. 47.

² Наше слово. 1918. 15 августа.

³ РГАЛИ. Рафальская Е.Б. Воспоминания. Ч. 1. С. 102–103.

⁴ Наше слово. 1919. 20 ноября.

⁵ Мартин А. Мои воспоминания. С. 56–57.

⁶ Архив Русской революции. Т. IV. Берлин. 1922. С. 55–120.

поучительна вот в каком отношении, – пишет А. Демьянов. – Грузия провозгласила себя автономной; когда же я в Народном Совете Абхазии, куда был избран Абхазской национальной группой (в состав входила и крайняя левая партия), отстаивал существующую автономию Абхазии, грузинские власти эту автономию свели на нет; игнорируя прежние свои договоры с Абхазией, меня признали врагом Грузии и засадили в тюрьму. В Абхазском Совете представитель Грузии переводумец Ис.Ив. Рамишвили, В. Джугели не стеснялись никакой клеветы в отношении меня; называли меня монархистом, новоиспеченным мартовским социалистом; говорили, что я получаю деньги от ген. Деникина и прочее. Им не было дела до моего честного прошлого...»¹

В Сухуме в этот период побывала целая плеяда выдающихся политических и государственных деятелей России, адмиралы и генералы, известные поэты, писатели, художники, режиссеры, музыканты.

Воспоминания Августа Мартина интересны и тем, что он дает краткие характеристики депутатам Абхазского Народного Совета, говорит о режиме Грузинской республики как оккупационном. Пишет о притеснениях эстонцев, греков, армян, о грабежах, которые чинили грузинские военные, о терроре в отношении абхазского населения.

Депутат от эстонского населения в АНС описывает и скандал вокруг земельного отдела в Комиссариате (Правительстве) Абхазии. А. Мартин сообщает: «Депутаты Тарнава, Барциц, Чанба и Алания внесли запрос о массовом заселении Абхазии выходцами из Грузии, в то время, как коренным жителям отказывается в наделении землей. Отвечая на этот запрос председатель Комиссариата князь Эмухвари, которому подчинялся земельный отдел, отрицал правдивость приведенных в запросе данных, называя их клеветой. Ревизионная комиссия во главе с председателем Совета Шервашидзе, избранная 19 октября, опечатала двери земельного отдела... Застигнутый врасплох, заведовавший земельным отделом грузин Месхи ничего не стал отрицать и чистосердечно во всем признался. Переписка между переселенческим управлением Грузии и земельным отделом Комиссариата Абхазии происходила исключительно на грузинском языке, работники переселенческого управления Маруашвили и Калантадзе посылали письма лично на имя Месхи. На дело переселения грузин в Абхазию была Грузинским правительством отпущена крупная сумма, десять миллионов рублей, из которых два миллиона уже были получены. Работали два агента. Грузинские письма в Комиссии переводили на русский язык депутаты Берулава и Д. Гулия, последний только что вошел в Совет. В то время из Абхазии уходили греки в Малую Азию, их постройки и должны были скупать агенты Месхи для грузин. В селении Михайловском на этой работе был грек Бумбуриди».

Интересно было при этой ревизии поведение Эмухвари. Когда у Месхи спросили, с ведома или без ведома Эмухвари все это делалось, тот ответил, что Эмухвари во все был посвящен. «А Эмухвари стоял и молчал», – говорится в протоколе комиссии.

В результате в Совете был поднят вопрос об отстранении Эмухвари, но меньшевики большинством голосов оставили его у власти.

¹ Там же. С. 119.

Перед историками, писал Мартин, изучающими эту эпоху встают из прошлого «два князя из видных родов Абхазии»: обаятельная личность Варлама Шервашидзе, который «честно служил Абхазии, хотя чрезмерно верил в многовековую историческую дружбу грузин и абхазцев, которой грузины грубо злоупотребляли» и Арзакан (Дмитрий) Эмухвари, который «бесчестно служил враждебным силам и был предателем народа Абхазии»¹.

Оставил Август Мартин и красочное описание последних дней меньшевистской оккупации Абхазии в 1921 году. «Под Сухумом на рейде стоял французский крейсер “Комба”, Сухум торопливо эвакуировался. Везжала вся знать города со своими коврами, драгоценностями, из складов увозился табак. Стоя на пристани, я смотрел как богатства Абхазии нагружались на суда и увозились за границу.

Третье марта. Вечер. Солнце близко к закату... Я вышел и направился к центру города. По улице маршем шла последняя воинская часть Сухума – учебная команда направлялась к Новому Афону, на подмогу фронту. Все были молодые юноши... Но до фронта отряду не удалось дойти: фронт был прорван, началось отступление, бегство.

Эту ночь я провел в городе, на горе Чернявского. Уже около полуночи, внизу, в городе начал раздаваться треск, звяканье, гром, крики: отступающее грузинское войско ломало и грабило магазины. Утром перед зрителем стояла печальная картина: не было ни одной уцелевшей лавки, унесено и увезено было все... Съестных припасов в городе не осталось»².

В советском правительстве Абхазии Август Мартин недолгое время работал под началом Самсона Чанба в Наркомпросе и заведовал отделом национальных меньшинств, которому подчинялись и эстонские школы. В мае 1921 г., после шестилетнего пребывания в Абхазии, он уехал на родину, в Эстонию.

Многие материалы на эстонском языке относящиеся к Абхазии еще ждут своей расшифровки. Работа в этом направлении будет продолжаться. Так, безусловный интерес представляет Дневник 1917–1921 гг. абхазского эстонца Кристиана Трууманна из села Эстонка, в котором освещаются общественные и политические события.

Дневник хранится в Литературном музее в Тарту под названием: «История красных дней с. Эстонка в Сухумском округе. 1917–1921 гг.»³.

Дневник написан на эстонском языке. Передала мне его эстонский этнолог Марика Миккор в 2015 г., а помощь в переводе отдельных фрагментов оказал доктор философии Айвар Юргенсон, за что выражаю им глубокую признательность.

К. Трууманн упоминает махаджирство (вынужденное переселение абхазов в Турцию в XIX в.), а другой представитель от эстонского населения Абхазии из с. Верхняя Линда (близ Сухума) М. Каарес, выступая на крестьянском съезде Сухумского округа в начале 1918 г., отмечал: «Как известно, эстонцы находятся на земле тех абхазов, которые отсюда уехали».

Трууманн касается бурных событий весны 1918 г., упоминает о военном вторжении Турции в Грузию, которое было остановлено после вмешательства

¹ Мартин А. Мои воспоминания. С. 63. См. также Б.Е. Сагария: о скандале вокруг папки 18 в земельном отделе Комиссариата.

² Мартин А. Мои воспоминания. С. 67.

³ КМЕКЛА. А235 м27:14.Л3.

ее союзницы Германии. Он отмечает, что тогда подразделения немецкой армии были и в Абхазии в «каждом городе». В эстонских селах «немецкие солдаты покупали продукты (картофель, молоко, яйца, сало и т.д.) и всегда они платили за продукты аккуратно, как нас устраивало».

Грузинские же офицеры и солдаты реквизировали у эстонцев лошадей (ноябрь 1918 г.) в с. Эстонка. Потом в село въехало много грузинских солдат с двумя пулеметами и отобрали более 20 лошадей.

В феврале 1919 г., накануне выборов в 3-й АНС, в Абхазию из Поти прибыло подкрепление грузинской армии (направлялись в Гагры). Трууманн пишет: «В течение месяца эстонцы должны были предоставить лошадей, но соседи эстонцев армяне не шли с лошадьми, и тогда офицер с 5-ю солдатами явились в армянское село, но армяне за деньги откупились. Потом пошли в с. Эстонку, получили 8 лошадей, из которых 3-х выкупили эстонцы обратно. Потом еще трех выкупили».

Упоминает автор дневника и абхазский десант из Турции в июне 1918 г., который пригласили сюда адзюбжинцы «недовольные грузинской властью».

Очень важно свидетельство о **ликвидации** второго АНС, которое произошло 10 октября 1918 г. Оказывается, в этот Совет только что был избран эстонец И.Я. Михельсон (потом стал депутатом третьего АНС). Вот что пишет Трууманн: «Сын бывшего учителя и бизнесмена с. Эстонка Якоба Михельсона – Иоханнес не смог работать в АНС, так как через пару недель после избрания этот Совет был ликвидирован за договор с ген. Алексеевым, а несколько депутатов арестованы и отправлены на допрос в Тифлис».

В третьем АНС были два депутата эстонца: учитель А.Г. Мартин и ученый-агроном И.Я. Михельсон (вошел в Совет 22 ноября 1919 г. вместо выбывшего депутата А.А. Демьянова). Они отмечены во многих документах абхазского парламента того времени¹.

Во второй половине марта 1919 г. проходили выборы в Учредительное собрание Грузии. Трууманн подчеркивает: «Абхазы бойкотировали эти выборы». Бойкотировали, т.к. «раньше Грузия говорила об автономии Абхазии и самоуправлении, но Абхазия никаких прав не получила». В связи с этим, «грузины и мегрелы радовались, т.к. они получали больше мест, – они агитировали среди разных народностей, но в с. Эстонка выборы шли пассивно».

Эстонцы были недовольны новой властью. Грабежи, вымогательства, поборы со стороны грузинских военных делали жизнь невыносимой. Последней каплей была объявленная в 1919 г. мобилизация. Кристиан Трууманн пишет в дневнике: «Эстонцы не хотели воевать в грузинской армии и народный совет эстонцев в Тифлисе заявил о том, что они являются гражданами Эстонской республики. Эстонский консул Киркманн (работал раньше учителем в Эсто Садок на Красной Поляне) в Тифлисе предоставлял им эстонские паспорта». И далее: «В феврале 1921 г. опять шла мобилизация в грузинскую армию, но жители с. Эстонка апеллировали к эстонскому гражданству. В ответ председатель военной комиссии в Сухуме Сванидзе заявил, что эстонцы родились здесь, и потому должны воевать, а ваши эстонские паспорта недействительны. Из шести юношей взяли пятерых».

¹ См.: Ходжаа Р. Абхазский Народный Совет. 1917–1920 гг. Документы и материалы. Сухум. 2007. С. 262, 268, 274, 278, 282.

Как известно, 4 марта 1921 г. в Сухуме была установлена советская власть, армия большевиков обратила в бегство грузинскую. В воспоминаниях эстонцев есть несколько ценных комментариев на этот счет. «Вечером 3 марта 1921 г., – пишет К. Трууманн, – уехали из г. Сухум члены Абхазского народного совета и городские власти. Ночью 4 марта в городе был большой беспорядок, еще до прихода большевиков грабили магазины и др.». Другой свидетель, Мартин Розенкрон из Верхней Линды, писал: «Мародерством занималась отступающая грузинская армия. Многие говорили, что большевики будут еще хуже. 4 марта 1921 г. женщины, которые ходили в город и продавали молоко, услышали, что большевики в большинстве аккуратны и грабежи запрещены, и лошадей не отбирают». Трууманн заключает, что 6 марта 1921 г. большевики пришли на постой в с. Эстонку и заявили, что 30 солдат и лошадей надо кормить, а «солдаты везде требовали вино»...

Краткие подзаголовки дневника Кристиана Трууманна говорят сами за себя: как большевики захватили Сухум в 1918 г.; Кодорский бой; что случилось в Эстонке, когда пришли меньшевики; репрессии против абхазцев в июне 1918 г.; репрессии против греков; грузины грабили армян и эстонцев; выборы в Абхазский Народный Совет в 1919 г. и многое другое.

Вместо послесловия

Сухумская нить судьбы: сын и отец Савинковы

Савинков Николай Викторович (30 октября 1910, Сухум – 9 ноября 1984, Прага, похоронен на Ольшанском кладбище, Чехия).

Родился в Абхазии в семье художника Виктора Викторовича Савинкова (брат известного политического деятеля, эсера Бориса Викторовича Савинкова) и адвоката Веры Николаевны Рукиной. Вскоре после его рождения брак распался. В 1922 г. мать с сыном покинула Россию и уехала к своему отцу, врачу Николаю Рукину, который из Сухума перебрался в Каир. Не получив разрешения на въезд в страну, уехала с сыном в Берлин, а оттуда в 1924 г. – в Прагу. Н.В. окончил Русскую реформированную реальную гимназию в Праге – Страшницах (1928), медицинский факультет Карлова университета. Работал врачом. В 1939 г. по политическим мотивам переехал в Париж. Во время второй мировой войны воевал добровольцем в Чехословацком иностранном военном корпусе. В мае 1940 г. эвакуировался в Великобританию и вступил добровольцем в британскую армию, служил в качестве военврача в Индии, Малайзии, Бирме, на Цейлоне. После войны вернулся в Чехословакию. Отец Савинковой Шанталь (в крещении Мария, Маша, искусствовед, специалист по иконографии; с 1999 г. служит регентом церковного хора и чтецом прихода св. Мартина в г. Тур во Франции). Сохранился личный фонд документов Н.В. в архиве Академии наук Чехии, а также в фондах Дома-музея Марины Цветаевой в Москве.

Савинков Виктор Викторович (24 ноября 1886, Варшава – 5 июня 1954, Бандоль, департамент Вар, Франция).

Живописец, журналист, политический деятель. Мать Софья Александровна Ярошенко (сестра художника-передвижника Н.А. Ярошенко), журналистка, драматург, мемуарист (писала под псевдонимом Шевиль С.А.). После окончания гимназии В.В. поступил в С.-Петербургский ун-т, в 1907 г. лечился от туберкулеза в Швейцарии. Студент Киевского ун-та, получил высшее юридическое образование. В 1910 г. занимался журналистикой и живописью. Показывал натюрморты, пейзажи и рисунки на выставках об-ва «Бубновый валет» (М., 1910–1916; СПб., 1913). В годы гражданской войны воевал. В октябре 1921 г. выслан из Польши и поселился с семьей (другой) в Праге. Летом 1923 г. отошел от политической деятельности. С 1924 г. в теософском кружке А.А. Каменской, в 1925–1927 гг. член Пражского философского об-ва. В 1927 г. переехал в Париж, вступил в Теософское об-во, был членом масонской ложи «Аврора», занимался живописью, переводами. В 1942 г. вызван в гестапо, вместе с третьей женой и сыном укрылся в сельской местности под Лионом, затем вернулся в Бандоль. В 1947 г. получил гражданство Франции. Первая жена Рукина Вера Николаевна (умерла в 1973 г.), от которой был сын Николай Викторович Савинков (1910–1984), д-р медицины. От другого брака с Штомпфе в 1941 г. родился сын Виктор.